

А. ВОЛЫНСКИЙ

Сильфида

Статья третья

Я познакомился с З. Н. Гиппиус в первый же день ее приезда в Петроград *. Ко мне явился Д. С. Мережковский и, сказав, что он женился на Кавказе, о чем известил меня, впрочем, и раньше письмом, потребовал, чтобы я пришел вечером того же дня к нему на чай. Вечером я был у него, где-то в районе Технологического института. Помню первое мое впечатление от З. Н. Гиппиус. Передо мною была женщина-девушка, тонкая, выше среднего роста, гибкая и сухая, как хворостинка, с большим каскадом золотистых волос. Особенно осталась в памяти ее походка. Шажки мелкие, поступь уверенная, движение быстрое, переходящее в скользкий бег. Глаза серые, с бликами играющего света. Здороваясь и прощаясь, она вкладывала в вашу руку детски-мягкую, трепетную кисть, с сухими вытянутыми пальцами. Таковы общие очертания этой фигуры, сразу бросающейся в глаза, с почти мальчишеской грудью и вместе с совершенной женственностью цельного впечатления. Имя Гиппиус скоро прогремело в литературных кругах. Она писала стихи, мелкие рассказы, и Мережковский сразу же дал им ход в «Северном Вестнике» и в «Вестнике Европы» **.

* Таким образом, по сведениям Волынского, его знакомство с Зинаидой Николаевной произошло в 1889 г. Гиппиус также писала об этом, не называя точной даты: «Его [Волынского. — *Публ.*] со мной познакомил Д. С. [Мережковский. — *Публ.*] на каком-то литературном вечере давно, сказав после, что он занимается философией» (*Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Живые лица: Воспоминания. Тбилиси, 1991. Т. 2. С. 197*).

** «Северный Вестник» — литературный и политический журнал, выходил в Петербурге в 1885—1898 гг. После 1891 г. в нем активно печатались символисты, в том числе Мережковский и Гиппиус. «Вестник Европы» (1866—1918, СПб.) — журнал буржуазно-либерального направления.

Но вернемся к женственности. Это была женственность существовавшего девического характера, с капризами и слезами, со смехом и шаловливой игрой, с внезапными приливами ласкового внимания и столь же внезапными охлаждениями. Кокетливость достигала в ней высоких степеней художественности. Вдруг она, вытянувшись красивым деревцем, играя платочком, стыдливо и призывно опускала глаза несколько вбок. Однажды какой-то паж, пришаркавшийся к молодой поэтессе с галантностью великосветского ухажера, простоял около Гиппиус в растерянном и тающем восхищении добрых несколько минут, ни разу не поймав ее взгляда. Она же, симулируя полудетскость, вытянув все черты своего лица в несерьезном раздумьи, глядела в сторону. Это была настоящая картинка амуреточной игры, на какую была способна только З. Н. Гиппиус. При этом манера разговаривать с партнером у нее была безукоризненно литературная, при налитости всех слов и фраз соками играющей жизни. Странная вещь, в этом ребенке скрывался уже и тогда строгий мыслитель, умевший вкладывать предметы рассуждения в подходящие к ним словесные футляры, как редко кто. Гиппиус делала замечания, в особенности стилистического характера, отличавшиеся большою тонкостью суда и оценки. Было любо читать молодой писательнице свою статью, хотя бы на самую отвлеченную философскую тему. Она следила за развитием мысли и, порхая вместе с вами на высоте, посылала вам свой неожиданный щелчок сочувствия или неудовольствия, всегда как нельзя более кстати, метко и красиво.

Кажется, в этих словах, сбежавших с пера почти произвольно, Зинаида Николаевна Гиппиус вспомнилась мне в двух основных своих стихиях, образующих эту замечательную личность. Одна стихия — это внешняя оболочка ее индивидуальности. При всей прелести деталей, при сильфидной пленительности походки, жестов и воздушной мимики, в тембре ее существа слышался всегда тревожный крик треснувшего стекла. Это чувствовалось решительно всеми и превращало отношения к З. Н. Гиппиус, несмотря на неугомонную ее амуреточную игру, в некую литургию. Вы невольно приобщались к телу и крови этой женщины-девушки. Вы участвовали в евхаристическом пиршестве, в котором было мало радости и много слез — слез не всегда немедленных, но всегда назревающих, грядущих. На поверхности была, по отношению ко всякому сколько-нибудь интересному собеседнику, — настоящая комедия любви, обаянию которой все и поддавались, кончая самыми замкнутыми, затворенными и угрюмыми партнерами. А внутри кипели бури серьезнейших

мотивов. Приходилось говорить на высокие темы, участвовать в интересах и запросах творческой работы молодой писательницы, придумывать с нею вместе целые пассажи в намеченных ею беллетристических произведениях. По отношению к одному из ее романов, в котором имеются прямо золотые страницы пейзажно-описательного характера, мне пришлось сыграть роль подвижного манекена, модели, на которую Гиппиус навешивала всевозможные костюмы. Туда даже попало одно личное письмо мое в весьма несущественной переделке, целиком, всеми своими фразами. Она нашла в нем тяжеловесность металла, именно ей недостававшего в то время*.

Однажды в сумеречный летний вечер мы сидели с ней на скамейке северной дачи, после длинной прогулки узенькой дорожкой через лес. В разговоре на какую-то тему, перебирая аллегории и сравнения, мелькающие в произведениях новейших поэтов, я указал ей на то, что небо обыкновенно описывается довольно шаблонно. То это твердь с мигающими звездами, то это голубой купол над нашими головами. Все это не то, все это мертво. З. Н. Гиппиус насторожилась и слушала со всем напряжением пьющего внимания. Я сформулировал мою мысль таким образом. Неба неподвижного нет. Просто дым над нами, дымная движущаяся бесконечность. Никто, как она, как эта обаятельная в мире сильфида, не умел так благодарить за слово, удачно гармонизировавшее с запросами души. Она съезжилась в своих узких плечах и, пожимая детской ручкой мою руку, сказала мне, что она использует такую точку зрения в своих стихах.

Но, входя во вторую стихию своей личности, З. Н. Гиппиус вступала в мир какого-то фантастического бреда. В иных делах ее нельзя было отличить действительной жизни от игры фантазии. Она умела писать чужими почерками разные письма разным людям, в том числе и своему мужу, которому она посылала по почте разные эпистолярные восторги, как суррогат недоста-

* Имеется в виду новелла З. Н. Гиппиус «Златоцвет», впервые опубликованная в «Северном Вестнике» (1896. № 2—4). «Подвижными манекенами», «моделями», по выражению Волынского, при работе над этим произведением автору послужили не только Аким Львович и сама Зинаида Николаевна, художественно трансформированная история их взаимоотношений, но и Л. Я. Гуревич, Д. С. Мережковский и другие лица из их литературно-художественного окружения.

Сохранился ли оригинал письма Волынского, текст которого был использован Гиппиус в новелле (см.: *Гиппиус З. Н.* Златоцвет // Гиппиус З. Чертова кукла. М., 1991. С. 502—503), установить не удалось.

вашей ему славы и общей сочувственной оценки, под замысловатым псевдонимом Снежной королевы. Я пробовал отклонять ее от этого, но она живо возражала, что здесь нет никакого обмана, никакой иллюзии, что это настоящая действительность, представляющая в идеале то, чего нет в реальности. Я готов допустить, что, читая такие письма, Мережковский мог почувствовать себя в те времена ободренным, утешенным и даже взволнованным. Я же лично, тоже слегка вовлеченный в эту прелестную эпистолярную игру, получал письма, иногда написанные моим собственным почерком и заключающие в себе полемику с моим поведением по тому или другому, то литературному, то житейскому казусу*. Здесь же следует отметить, что стиль писем З. Н. Гиппиус был действительно несравненным. Иные из этих писем лучше обширных статей Антона Крайнего, с его придирачным тоном и повадками бабьих пересудов. Тут все чеканно-просто, коротко и содержательно. При этом в основе — философическая серьезность, редкая в женщине способность к созерцательно-логическому мышлению. Писем этих, вероятно, очень много в литературных кругах, и когда-нибудь собрание их могло бы явиться живейшим документом-иллюстрацией к картине нашей литературно-общественной жизни, в момент зарождения декадентства**.

Вот настоящая декадентка тех замечательных дней, не выдуманная, плоть от плоти эпохи, и самая исковерканность, даже играющая живиость входила в подлинный облик конца века, как симуляция входит в состав симптомов истеро-эпилепсии. Не будем особенно печалиться по поводу этой патологической стороны явления, особенно с литературной точки зрения, и не забудем, что именно в России патология дала обществу безмерно много откровений и что даже великий Достоевский был эпилептик. В этой эпохе глубочайших переломов патология и не может отсутствовать: новый свет проникает в общество сквозь щели ра-

* Среди писем З. Н. Гиппиус к А. Л. Волынскому, хранящихся в РГАЛИ, есть подобные образцы. Например, в 1895 г. она писала: «А теперь посмотрите: я даже вашим почерком разучилась писать, не поняла, что особенность вашего письма не только в мелких буквах, но еще в редких строчках, а этого я не поняла на первой странице <...> Устала писать вам, на первой странице не похоже, но вообще я чувствую, что ваш почерк — во мне. Это особенное ощущение» (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 430).

** Волынский имел возможность судить об этом, так как являлся адресатом множества писем Гиппиус (См.: ГЛМ. Ф. 9; РОФ. 1357/2-24; РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 430).

зорванной и раздвоенной личности. Строго научный анализ всего, что сделано З. Н. Гиппиус пером, анализ психофизиологический, привел бы нас к несомненному убеждению, что все тут натурально и естественно в своем роде. История идет своими путями именно через разрывы и конфликты в своих лучших и наиболее восприимчивых представителях.

Знакомство мое с Гиппиус, начавшееся в описанный вечер, заняло несколько лет, наполнив их большою поэзией и великой для меня отрадой*. Вообще, Гиппиус была не только поэтессой по профессии. Она сама была поэтична насквозь. Одевалась она несколько вызывающе и иногда даже крикливо. Но была в ее туалете все-таки большая фантастическая прелесть. Культ красоты никогда не покидал ее ни в идеях, ни в жизни. Вечером, опустивши массивные шторы в своем кабинете дома Мурузи на Литейном**, она любила иногда распускать поток своих золотых сильфидных волос. Она брала черепаховый гребень и проводила им по волосам, вызывая искорки магнетического света. Было в этом зрелище что-то предвечно упоительное. Откуда, в самом деле, берется в людях это любование самим собою и притом любование не реальным своим обликом, а праисторическими какими-то своими подобиями, где легенда сливается с мифологией? Когда Гиппиус делала этот расчес волос, играя точно смычком по бесчисленным струнам, она производила на меня впечатлительные существа, попавшего в этот мир с каких-то белооблачных гиперборейских высот. Она не была никогда друидессой и не могла ею быть. В ней воплотилась гиперборейская женщина легендарно-мифологических времен, еще до походов с северных высот, определивших судьбы нового мира. Отмечу еще черточку в том же духе, в том же поэтическом направлении. З. Н. Гиппиус любила огонь. В разведенном ею огне была однажды сожжена не нравившаяся ей моя шляпа. Сидя в столовой у Мережковских, я услышал крик веселого смеха. Я был вызван спешно на кухню и мог еще присутствовать при гибели моего злополучного головного убора. Шаловливая писательница подпрыгивала от радости, хворостинка вся изгибалась в детском триумфе. Нако-

* Знакомство З. Н. Гиппиус и А. Л. Волынского продолжалось до 1897 г. Относительно этой даты более точные сведения сообщает Зинаида Николаевна (см.: *Гиппиус З. Н.* Дмитрий Мережковский С. 203—204).

** «Наш вечный “дом Мурузи”», — писала З. Н. Гиппиус о доме на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы (точный адрес: Литейный, 24). Мережковские жили здесь в разных квартирах на протяжении многих лет (см.: Там же. С. 234, 189).

нец-то ненавистная шляпа перестала существовать. Домой пришлось мне вернуться в шляпе Мережковского, и тут, впрочем уже не впервые, я мог убедиться в том, что наши головы нуждаются в разных уборах!..

Как друг, как товарищ, как соучастник в радости и в горе З. Н. Гиппиус была неповторима. Ее заботливость простиралась на состояние вашей обуви, на дефекты вашего белья. В ней не было никакой схематичности. Живые конкретные детали в жизни ближнего всегда ее занимали. Это испытали на себе многие из ее приятелей, и уже совершенно благословенной была доля ее друзей. Покойный С. А. Андреевский*, пришедший ко мне по одному театральному делу незадолго до своей смерти, вспомнил эту черту З. Н. Гиппиус с оттенком взволнованной благодарности.

Я не вдаюсь в расценку литературного труда З. Н. Гиппиус. Только отмечу коротко и бездоказательно, что она представляет собою живое и выдающееся явление в русской литературе. В частности, ее описания неба не знают себе равных. Она показала тут мастерство, тонкость восприятия и подлинное чувство природы. Всем этим я сейчас не занимаюсь. Я только хочу выделить мысль, что на пути моих знакомств с типами различных женщин — это была женщина в полном смысле слова необыкновенная. Мысленно, благодарною памятью, я еще и сейчас люблю освежаться в струйках света, сиявшего мне во дни борьбы.

14 сентября 1923 г.

---

* *Андреевский* Сергей Аркадьевич (1847/1848—1918) — поэт, литературный критик, юрист, «пятиарх декадентства», по словам В. А. Пяста.